

Веселые расплюевские будни

Самый репертуарный автор – Сухово-Кобылин

Кубыра. - 2005 - Забл. - с. 8

Обычно, видя безобразие и произвол отечественной жизни, интеллигент восклицает: "Гоголя на вас нет!" Значительно реже приходит на ум Салтыков-Щедрин. И почти никогда – Сухово-Кобылин. Соответственно, и российский театр с Гоголем на дружеской (периодически, правда, хромой, но не все же могут!) ноге. С Сухово-Кобылиным же как-то всегда обходились на "вы". Ставили мало. Возможно, причина и в том, что у последнего концентрация мерзостей родного уклада жизни, степень фантазмагорического и размах художественного обобщения слишком высоки. Там, где у Гоголя все же еще середина и реальные люди, у Сухово-Кобылина уже совсем край и нелюди.

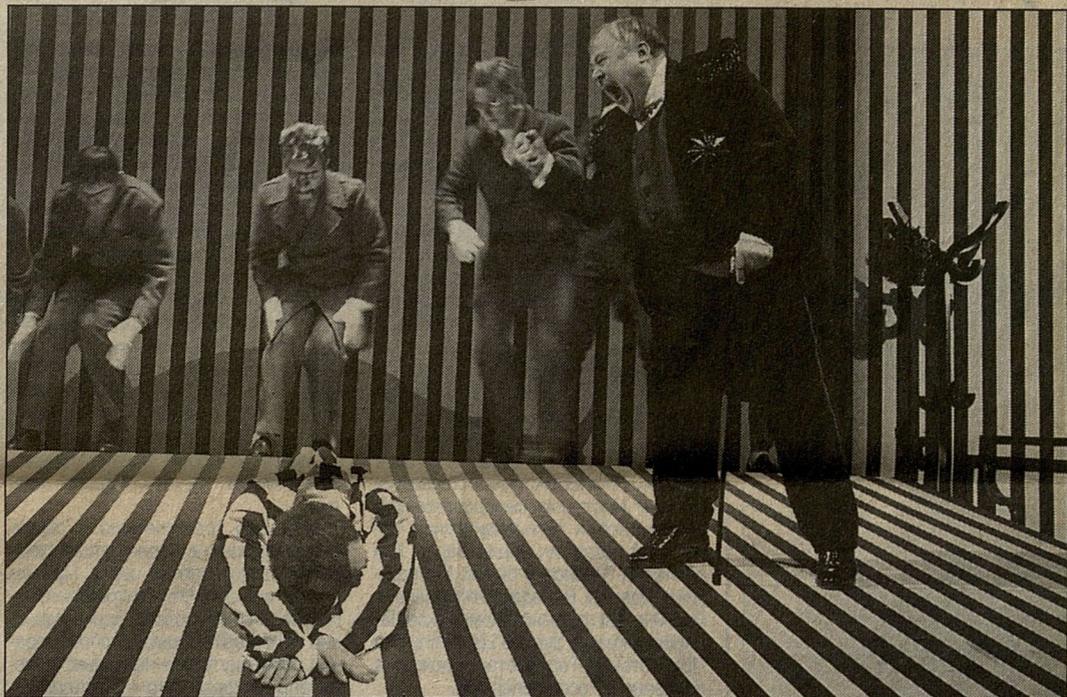
Приятного аппетита!

Так что же случилось с нами в нынешнем сезоне, где только на московских сценах появилось три "Смерти Тарелкина"? Да на подходе четвертая – в Малом театре? Глюс уже почти готовая в МХТ "Свадьба Кречинского"? Так и вспомнишь прожорливого Расплюева. Как он поглощает несметное количество снеди, а Тарелкин изумляется: мол, что за пасть такая и где же днище, не отвалилось ли? Да уж, театральные аппетиты на Сухово-Кобылина разыгрались нынче не на шутку. И как подумаешь об исторической миссии русского театра, о ее кафедральной, так сказать, роли, то оторопь берет, и дежурное слово "актуально" превращается в зловещий троп.

Каковы бы ни были реальные художественные результаты отдельно взятых спектаклей, но сама их сумма вызывает очень смешанные чувства. С одной стороны, дрожь, ибо театр с помощью Сухово-Кобылина выражает свое отношение к происходящему. С другой стороны и по той же самой причине, – радость. Не за державу, разумеется, а за ее театр, так и не удовлетворившийся ролью безответственного и равнодушного любителя игр. Впрочем, еще у вышеупомянутого Гоголя сказано, что в России умный человек "либо пьяница, либо такую рожу соорудит, что хоть святых выноси". Вот и строят рожи – каждый в меру своих разумений и возможностей.

Параллельно прогрессу

Почти разом "Смерть Тарелкина" сыграли в Театре "Et Cetera" и в Театре им. М.Н.Ермоловой. В первом случае за дело взялся молодой литовский "варяг" Оскар Коршуновас, в другом – свой, упорный и нешумный экспериментатор Алексей Левинский. Коршуновасу гротески и фантазии Сухово-Кобылина явно оказались ближе, чем его саркастическая горечь в адрес собственно Родины и собственной жизни. Левинскому же, напротив, именно эта горечь с рождения знакома на вкус. Спектакль "Et Cetera" – образчик продвинутой глобалистских технологий. Спектакль Левинского – негромкий разговор о самих себе, нелюбимых. У Коршуноваса на сцене, разлинованной в арестантскую полосочку, царит мир компьютерных монстров и монстриков, внятные ведущие фантазмагорический сюжет, но не имеющих человеческой окраски. У Левинского же, напротив, течет привычное, обыденное и оттого страшное житейское нелюдей, которых в родной толпе не отличишь от людей. Последнему, несмотря на приемы с кукольным театром, не хватает острой сухово-кобылинской формы, и текст, насыщенный ярчайшими литературными перлами, звучит в спектакле приглушенно. У Коршуноваса текст тоже не играет должным образом, но по другой причине. Его забивает "видеоряд", который, в свою очередь, представляет зрелище универсальное: вместо Сухово-Кобылина сюда можно было бы подставить и другого автора, был бы только сходный экшн. Исключение составляет Александр Калаян в роли генерала Варравина. Артист не выпадает из общего стиля. Но он обладает редчайшей способностью

Сцены из спектаклей "Смерть Тарелкина" в Театре "Et Cetera" (вверху) и в Театре им. М.Н.Ермоловой

очеловечить любой гротеск. В результате перед нами страшная фигура российского Дона Корлеоне, мафиози с сантиментами.

Самым выигрышным в смысле звучания текста оказался спектакль Алексея Казанцева в Центре драматургии и режиссуры. Эту, третью по счету, "Смерть Тарелкина" упрекают и за излишне веселый нрав, и за увлечение приемами "калустника". Не стану спорить, ибо в этих упреках много справедливого. Но бывают недостатки, являющиеся продолжением достоинств. Начнем с того, что чтение пьес Сухово-Кобылина может доставить гораздо больше удовольствия, чем просмотр неумелой постановки. Кто не хохотал над этими потрясающими текстами, пусть бросит в меня камень.

Драматург Казанцев, питая к текстам вполне понятную любовь, именно от них и идет, именно в них находит свободный, в некоторой мере репризный рисунок сцен и черпает общий тон. Более того, он добавляет к "Смерти Тарелкина" некий "приквел", то есть предысторию, только берет ее у того же автора, в пьесе "Дело", а не сочиняет сам. Сначала Тарелкин видит, как мздоимцы надругались над помещиком Муромским, при этом и сам оказывается в дураках, а потом уже решается на грандиозное жульничество с собственной смертью. Дьявольская цепочка взаимоотношений, "русская рулетка", где сегодня – ты, а завтра – я, причем оба облапошены, – вот тема казанцевского спектакля. Следуя авторской воле, режиссер меняет жанры по ходу действия: от трагедии к комедии и, наконец, к полнейшему балагану, где вся Россия стоит в очередь на допрос, где упыри и оборотни разгуливают равно в погонах и в партикулярном

платье. И если старый студенческий театр порой действительно прорывается наружу, особенно в сценах допросов, то эти излишества не в состоянии испортить общего тона. Смешное и страшное намертво сцеплены у Казанцева в одну непрекращающуюся репризу, в единый, уникальный фарс, именуемый российским укладом жизни. Отчего ж не смеяться, ведь не "Мадонну Рафаэля" пачкаем, а родную козью морду являем анфас и в профиль.

В спектакле Казанцева состоялась к тому же одна из ярчайших актерских работ сезона. Глеб Подгородинский играет Тарелкина в стиле психологического гротеска и делает это виртуозно.

Что тот классик, что этот

В промежутке между "Тарелкиными" в Москву приезжал с гастролями Санкт-Петербургский театр комедии имени Н.Акимова и показал "Свадьбу Кречинского" в постановке главного режиссера театра Татьяны Казаковой. Для знакомства неискушенного человека с творчеством Сухово-Кобылина этот спектакль вполне подходит – можно и не читать пьесы. Для постижения театра Сухово-Кобылина он не годится – зашедшему в зал случайно, не видевшему афиши и программки, может показаться, что играют Островского: добротные интерьеры, милостивые барышни, колоритные интонации. К слову, имеется в виду Островский среднестатистический, привычно традиционный, не разрушающий стереотипов хрестоматии. Знамо дело, бывает ведь и совсем иной. Островский сегодня вполне способен конкурировать с Сухово-Кобы-

линым по актуальности звучания. Но природы их творчества принципиально разнятся. Там, где у Островского комедия, у Кобылина – фарс, где у одного романтическая ирония, у другого – желчный сарказм, а напротив трагедии – зловещий оскал дьявольщины. Между тем в спектакле акимовцев есть милейший комик Расплюев – М.Светин, один большой и блестящий концертный номер. Есть интересный Кречинский – М.Разумовский, весьма убедительный в своем отрицательном обаянии. Есть благородный Муромский – Э.Романов. Есть сценические раскаты грома, вспышки света, не добавляющие действию, кроме театральной рутины, ничего фантазмагорического, а тем более гротескового.

О том, почему Сухово-Кобылина в русском театре ставят меньше, чем, скажем, Гоголя, стоит поразмышлять отдельно. Не в последнюю очередь, повторюсь, и потому, что его пьесы – невероятно концентрированная субстанция и смыслов, и образов, и жанровых особенностей, и языка. Наш театр за последние десятилетия научился делать столько полезных вещей, что и пальцы на двух руках не хватит. Социально острые высказывания не в моде, а без них какой же Сухово-Кобылин. Любовь к авторскому тексту поостыла. Поиски жанра сплошь и рядом подменяются незнанием самих жанровых основ. И т.д. и т.п. Тем не менее "Тарелкиных" у нас уже три, а в следующем сезоне станет четыре. Значит, припекло не на шутку. Уже за одно это хочется поздравить наш театр его вяловатую и потную ладошку. А заодно – снять несуществующую шляпу.

Наталья КАМИНСКАЯ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ